

Последний аккорд пианиста



Виктория Сердечная

Виктория Сердечная

Последний аккорд пианиста

«Автор»

2026

Сердечная В. С.

Последний аккорд пианиста / В. С. Сердечная — «Автор», 2026

Музыкант в третьем поколении построил жизнь на безупречном порядке. Но когда перед самым важным днём этот порядок начинает рушиться без единой улики, главным подозреваемым становится он сам.

© Сердечная В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Знакомство	5
Глава 2 Что-то не так	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Виктория Сердечная

Последний аккорд пианиста

Глава 1 Знакомство

Три года. Тысяча девяносто пять дней. Если быть совсем точным — тысяча девяносто шесть, потому что год был високосный, а я считал каждый. Три года я готовился к этому конкурсу, и всякий день, прожитый не за роялем, казался мне украденным. Три года — это много, когда тебе двадцать семь и ты понимаешь, что второго такого шанса не будет. Вернее, шансов будет, но не будет уже этих пальцев, этой гибкой спины, этой способности сидеть по восемь часов не разгибаясь и слышать каждую ноту не ушами даже — кожей. Меня зовут Антон Виноградов, и да, мать назвала меня в честь Чехова. Она говорила, что когда я родился, то не закричал, а как-то удивлённо выдохнул — то есть, и это вот всё? этот мир? эти люди? — и замолчал на целую минуту, так что акушерка перепугалась. «Антон Павлович тоже был молчуном», — любила повторять мать, и в её голосе звучала гордость, словно молчание — это наследственный дар. Квартира на Тверской досталась мне от бабушки — бывшей оперной певицы, которая когда-то блистала в театре, а потом потеряла голос и десять лет учила меня ненавидеть фальшь. Квартира огромная, с лепниной на потолках и паркетом, который пел под ногами, — настоящая профессорская берлога в центре Москвы. Бабушка оставила мне её вместе с роялем и наказом «не опозорить фамилию». А фамилия у нас была не просто Виноградовы — мы были те самые Виноградовы, музыкальная династия, которую знал каждый, кто хоть что-то понимал в русской фортепианной школе. Прадед играл с Рахманиновым в четыре руки, дед записывал все сонаты Скрябина на «Мелодии», а отец ну, отец просто ушёл, когда мне было шесть, и оставил после себя лишь подборку джазовых пластинок, которые я никогда не слушал, потому что джаз — это беспорядок, а я беспорядка не выношу. Мои руки — единственное, что я в себе люблю. Не лицо — оно самое обычное, сероглазое, с вечно сжатыми губами и складкой меж бровей, которая прорезалась лет в десять и с тех пор никуда не уходила. А вот руки. Если бы можно было жениться на собственных руках, я бы, наверное, так и сделал. Пальцы длинные, музыкальные, как говорила бабушка. Она измеряла их каждые полгода и заносила в специальный блокнот: «указательный — 8,2 см, средний — 9,1 см, растяжка — двенадцать клавиш». Когда я играю Рахманинова, то понимаю, зачем Бог создал такие руки. Обычные конечности не смогли бы так пронзительно звучать на этом инструменте. Это похоже на сумасшествие, но для меня рояль — продолжение моего тела, или это я — продолжение рояля. Мы срослись, как сиамские близнецы, и я уже не понимаю, где заканчиваюсь я и начинается он. Так вот, три года я готовился к Конкурсу имени Рахманинова. Ровно три года назад, когда мне исполнилось двадцать четыре, я сидел в баре после очередного провала — второе место на конкурсе Шопена, и если вы полагаете, что второе место — это успех, вы ничего не смыслите в музыке. Я сидел и осознавал: ещё один такой провал — и всё. Карьера захлопнется, как крышка гроба. Я стану тем самым «вечно вторым» Виноградовым, про которого говорят: «О, он очень талантлив, но» Вот это «но» меня и убивало. «Очень талантлив, но не хватает искры». «Очень талантлив, но Кирилл Соколов всё-таки интереснее». Кирилл Соколов — мой лучший друг и мой главный соперник, а когда твоего друга постоянно ставят выше тебя, дружба мутирует в шахматную партию, где каждый ход просчитывается на десять шагов вперёд, а любая улыбка может быть ловушкой. Мы познакомились на вступительных экзаменах в консерваторию пятнадцать лет назад. Мне было двенадцать, ему — тринадцать. Он уже тогда носил шарфы немыслимых расцветок и улыбался так, будто знал некий секрет, недоступный остальным. Мы оба играли этюд Шопена — один и тот же, но он играл, как летний ливень: шумно, ярко, с брызгами, а я лишь

пытался подражать. Я неизменно занимал вторые и третьи места, пока публика обожала моего друга — за его улыбку, за манеру запрокидывать голову во время игры, за то, как он после концерта дарил цветы девочкам из первого ряда, вынимая розы из букета, подаренного ему самому. Меня же публика уважала. Аплодировала ровно, вставала, но без того исступления, которое вызывал Кирилл. Критики писали: «Виноградов — безупречный техник, но Соколов — художник». И всякий раз, читая это, я стискивал зубы и садился за рояль ещё на час.

Глава 2 Что-то не так

До конкурса оставалось три месяца. Я мог сыграть его с конца, мог сыграть левой рукой отдельно, правой отдельно. Я слышал его во сне — и это был хороший знак; мой профессор всегда твердил: «Когда музыка начинает тебе сниться, значит, она проросла в тебя». Однако всё пошло не по плану.

Четверг, шесть утра. Я встал, как всегда, без будильника, выпил воды — ровно стакан, не больше, не меньше. Сделал дыхательную гимнастику, надел чёрную водолазку — кашемир, тончайший, бабушкин подарок на какой-то давний день рождения. Вышел в комнату, где стоял рояль, и замер. Кто-то переставил ноты. Нет, партитура лежала как обычно, но развёрнута была на другой странице. Не на сорок седьмой, где алела моя пометка, а на тридцать второй — той, где идёт разработка первой части. Я никогда не оставляю ноты открытыми на тридцать второй странице. Никогда. Я закрыл глаза. Досчитал до восьми. Открыл. Страница та же. Тридцать вторая. Я подошёл ближе. Провёл пальцем по корешку. Переплёт был чуть тёплым. Нет, не тёплым — горячим, словно его только что сжимали в ладонях. Я поднёс его к лицу и вдохнул. Пахло иначе. Не бумагой и старой канифолью, как обычно, а чем-то сладковатым, будто чужими духами. Или нет? Может, почудилось? Вот тут мне впервые стало по-настоящему страшно, ведь я не мог просто отмахнуться и жить дальше. Я вытер лицо и пошёл на кухню. Ножи висели ровно, параллельно друг другу. Я коснулся каждого — холодные, чистые. Часы показывали восемь утра. К счастью, в двенадцать у меня была встреча с Кириллом в консерватории. Я решил, что расскажу ему про ноты.

Кафе в консерватории пахло кислым кофе и мокрыми осенними пальто. Кирилл уже ждал меня за столиком у окна, где всегда — это было его место, он оккупировал его когда-то давно и с тех пор сидел только там, словно прочие стулья были заминированы. На нём был красный шарф, небрежно перекинутый через плечо, и он пил латте, смешно оттопыривая мизинец. Увидев меня, просиял. — Антон, ты похож на труп, — сказал он. — Что стряслось? Я рассказал ему про тридцать вторую страницу. Про тёплый переплёт. Про запах. Говорил медленно, подбирая слова, потому что вслух всё это звучало ещё безумнее, чем в голове. Кирилл слушал, наклонив голову, и по его лицу блуждала тень улыбки — не злой, скорее сочувственной, но какой-то чересчур понимающей, как у психиатра, который уже поставил диагноз и теперь просто ждёт, пока больной выговорится. — Тошка, — сказал он, впервые за долгое время назвав меня детским прозвищем. — Ты спишь вообще? — Вдохнул и отставил чашку. — Я тебе сейчас скажу то, что тебе не понравится. Ты три года сидишь в одном концерте. Ты не отдыхал, не переключался, ты даже в отпуске играл гаммы. Тош, ты сам загнал себя до такого состояния, что у тебя уже галлюцинации. — Это не галлюцинации Я же проверял. — Что ты проверял? — Он посмотрел на меня в упор. — Ты правда измерял расстояние от рояля до стены? Ты понимаешь, как это звучит? Это всё в твоей голове. Я хотел возразить, но он накрыл мою ладонь своей — жест дружеский, тёплый, почти братский. Пальцы у него были прохладными даже после горячей чашки. «Вот оно, — подумал я тогда, — вот что значит настоящая дружба. Он волнуется за меня». Мне стало даже стыдно, что я так рвусь обыграть его, вижу в нём соперника, а не старого товарища. В общем, я поверил ему сразу, хоть это и означало, что я действительно схожу с ума, но я хотел ему верить. Мы договорились, что я возьму пару выходных — просто гулять, дышать, смотреть на живых людей, а не на клавиши. Мы болтали ещё долго, пока он не убежал по каким-то срочным делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.